

ИВАН ПОГОНИН

КРУТ

ЗАМКНУЛАСЯ

Сыскная одиссея Осипа Тараканова

Иван Погонин
Круг замкнулся

«Автор»

2022

Погонин И.

Круг замкнулся / И. Погонин — «Автор», 2022 — (Сыскная одиссея Осипа Тараканова)

Последняя книга Ивана Погонина о приключениях Мечислава Николаевича Кунцевича и Осипа Григорьевича Тараканова заканчивается там, где начинается первая книга об их приключениях... Круг замыкается.

© Погонин И., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Иван Погонин

Круг замкнулся

© Иван Погонин, 2022

Пролог

Нападение с бомбами и грабеж

Март 1906 года

«Небывалое в летописи вооруженное нападение произошло вчера, 14-го марта, – ограбление казначея портовой таможни. Катастрофа по грандиозности разрушительных элементов, обстоятельствам и месту действия, безусловно, напоминает нечто феерическое, но с мрачным, трагическим финалом. Вчерашний день в Петербурге только и говорят об этой сенсационной драме. Еще пока судебные и полицейские власти не могут разобраться в происшедшем; по рассказам очевидцев и невольных участников этой драмы она рисуется в следующем виде.

Вчера портовая таможня решила отправить в губернское казначейство денежные ценности, накопившиеся в ее кассах. Денег предназначалось отвезти около 500 000 рублей. Эта громадная сумма состояла из процентных бумаг, кредитных билетов и золотой монеты. Деньги лежали в трех мешках из верблюжьей кожи, именуемых баулами. В одном находилось 4 000 рублей золотом, в другом – 362 000 рублей кредитками. Третий был наполнен процентными бумагами. Ценный багаж поручили отвезти помощнику казначея таможни С.П. Гетману. С ним поехали два счетчика. Деньги везли в наемном экипаже. Карету охраняло восемь жандармов. Около 11 часов карета выехала со двора таможни и направилась с Гутуевского острова на Казначейскую улицу, где на углу Екатерининского канала находится губернское казначейство.

Около половины двенадцатого карета въехала на набережную Екатерининского канала вблизи Фонарного переулка. В обычное время эта часть набережной, находящаяся вблизи людного Вознесенского проспекта, не отличается оживленностью. Фонарный переулок на набережную имеет пешеходный мостик через канал и как бы продолжается Большой Подъяческой улицей. А по набережной в нескольких сотнях саженей высится каменный дом Казанской части. На набережной с левой стороны переулка стоит четырехэтажный дом № 83/18, где имеется в первом этаже недавно открытая пивная лавка кр. Грибкова. Ее окна выходят на переулок и набережную и дают возможность видеть далеко по улице. В нескольких минутах ходьбы от этого места по набережной канала и стоят дома казначейства.

По имеющимся у редакции сведениям, дознанием, производимым чинами Отделения по охране общественной безопасности и порядка, было установлено следующее:

Вчера в пивную лавку Грибкова около 10 утра пришли ранние гости, их было человек пять – шесть. Они пили пиво, шутили. Несколько молодых людей в это время бесцельно бродили по набережной. Когда карета поравнялась с Фонарным переулком, сидевшие в пивной господа, очевидно, по поданному им сигналу, выскочили на улицу и один из них бросил в карету бомбу. Земля задрожала. Воздух сгустился. Облако дыма окутало карету. Со всех сторон задребезжали разбитые стекла и точно дождем посыпались сверху. Пронесся страшный гул. Из толпы вылетела и взорвалась еще одна бомба. Взрывами убило обеих запряженных в карету лошадей, погиб кучер, у портерной сорвало вывеску, лошади жандармов в ужасе понесли, не обращая внимания на острые шпоры. Господин Гетман и оба счетчика выскочили из кареты и кинулись наутек, по жандармам, которым все-таки удалось остановить лошадей, нападавшие открыли непрерывный огонь из револьверов особой системы. Пули так и свистели, летели даже через канал, засыпали жандармов, разбивали стекла в домах на левом берегу. Один, другой, третий жандарм свалились с лошадей – они были ранены. Началась обоюдная перестрелка в тумане густого дыма от взорвавшихся снарядов. В домах № 83 и 85 паника, крики женщин, раненых. Общее смятение. И в тоже время около кареты, где лежат три мешка, уже орудует незнакомец.

Он быстро захватывает два баула и бежит с ними по Фонарному переулку. Перестрелка не стихает. Пули так и сыплются в жандармов. Еще двое из них ранены, но те, кто способен держать оружие, стараются отбить карету, а грабители постепенно рассеиваются. Часть их пустилась направо по набережной, двое быстро шмыгнули во двор дома № 81 по Екатерининскому каналу. Вот несколько человек побежали по Фонарному переулку и скрылись. Один бежит по Офицерской, другие на Казанскую улицу, третьи в Максимилиановский переулок. Тревога уже поднята. Грохот выстрелов привлек внимание. Из участков вызваны полицейские. Спешат на место стрелки лейб-гвардии стрелкового батальона, сюда же бегут измайловцы. А по улицам несется крик: «Держи, лови!»

Шайка рассеялась и разбежалась в разные стороны, не пряча, впрочем, револьверов. Началось преследование. Добровольцы-прохожие и главным образом дворники бросились по пятам исчезающих. Полицейские чины, видимо, растерялись, несмотря на свое вооружение. И безоружные дворники бесстрашно бросились на грабителей. Преследование в свою очередь оказалось кровавым и вызвало ряд вооруженных столкновений.

Один из грабителей бежал в Максимилиановский переулок. И неожиданно у него из кармана выпал снаряд вблизи угла Фонарного и Максимилиановского переулков. Последовал третий взрыв, равный по силе первым двум. Незнакомец упал раненый. Здесь же осколки бомбы ранили проходившую прислугу и дворника одного из домов на Фонарном переулке. Они стояли на панели. Всех троих быстро подняли и увезли в больницы. Грабителя отправили под конвоем в тюремную лечебницу. Новая паника охватила публику.

В тоже время по Офицерской улице быстро спешили четыре незнакомца. Случайные свидетели гнались за ними по пятам. Из ворот домов уже выбежали встревоженные дворники. К калитке № 16 по Офицерской улице, где находились два брата, младшие дворники Михаил и Алексей Харлампиевы, кто-то подбежал. «Держите вот этих господ», – крикнули дворникам. Харлампиевы подбежали к ним. Михаил Харлампиев ударил одного из них по голове и свалил с ног. Алексей то же проделал со вторым незнакомцем. Между тем два других незнакомца спешили уже бегом по тротуару. Но у дома № 5 им пересек дорогу подручный этого дома Птицын. Он ринулся на одного из беглецов и сшиб его с ног. В это время на помощь арестованным спешил новый субъект. Он неожиданно открыл огонь по Харлампиевым. Шесть пуль поразили Алексея. Четыре пули врезались в Птицына, был тяжело ранен и Михаил Харлампиев. Постовые городовые, однако, уже выручили дворника. Выстрел в одного из арестованных уложил его насмерть. Солдат стрелкового батальона ударом приклада и штыком пришиб второго, который пытался стрелять. Третий был обезоружен. Проходивший офицер ранил четвертого, которого нещадно била толпа. Его со слабыми признаками жизни увезли в лазарет к стрелкам. Пятый скрылся.

Один из участников шайки быстро бежал по Вознесенскому проспекту. Его преследовали городовые. Незнакомец свернул в Максимилиановский переулок. Здесь на углу у дома № 9 его догнал городской. Неизвестный обернулся, выстрелил, но промахнулся. Прохожие в ужасе кинулись по сторонам. Улица на мгновение опустела. Часовой стрелкового батальона быстро взял ружье на прицел. Выстрел. Пуля впилась в витрину магазина – типографии Алексеева, помещающейся в полуподвальном этаже дома № 9. Городовой в свою очередь выстрелил. И в тот же момент со стороны Вознесенского проспекта грянул выстрел, который, как говорят, произвел какой-то офицер. Участник шайки свалился весь в крови. Городовой произвел в незнакомца еще выстрел, а затем ударами шашки разрубил ему голову. На Мариинской площади через Синий мост городовые и дворники в этот момент преследовали еще одного человека с револьвером в руках. Высокого роста, молодой, в серой шляпе, он быстро бежал. Но со всех сторон площади его окружило кольцо охраны. Незнакомец вдруг бросил револьвер-браунинг. Он быстро сунул руку в карман. Раздался сухой щелчок. Кровь залила мостовую.

Незнакомец, не вынимая оружия из кармана, произвел себе выстрел в живот вблизи здания Мариинского дворца. Сообщают, что, доставленный в участок, он скончался.

Денежные баулы исчезли, как сообщают, при следующих обстоятельствах. Один из случайных посетителей неизвестного петербуржцам ресторана «Кина» в Фонарном переулке против Казанской улицы г. Л. рассказывал, что он сидел в ресторане и завтракал. В общем зале одиноко за столиком находилась молоденькая незнакомка. После того, как раздались взрывы и началась перестрелка, в ресторан вбежал молодой человек с двумя мешками в руках. Незнакомка встала, и оба они выбежали вон на улицу. Здесь у подъезда уже ожидал лихой извозчик. Незнакомка вскочила в пролетку, молодой человек передал ей денежные мешки. Лошадь помчалась, унося даму, а молодой незнакомец побежал по Фонарному переулку. Именно он и застрелился у Мариинского дворца.

Общая сумма похищенного исчисляется в 366 000 руб., причем 362 000 руб. кредитными билетами и 4 000 руб. золотом».

Газета «Петербургский листок» № 62 от 15 марта 1906 года.

Глава 1

Убийство или не убийство?

Муром, апрель 1906 года

Мечислав Николаевич не видел брата лет десять. Нет, они с Казимиром не ссорились, напротив – скучали друг по другу. Казик, у которого была масса свободного времени, писал в Петербург пространные письма, вечно занятый Мешко ограничивался открытками на Рождество и Пасху. Но за последние годы сыщик так и не смог выбраться во Владимирскую губернию, а уездный чиновник – посетить столицу. И вот...

После того как отец умер, Мечислава, Казимира и их младшую сестру Ядвигу взяла на воспитание бабушка. Из-за нехватки денег в высшее учебное заведение смог поступить только младший брат. Но карьеры Казик не сделал – на последнем курсе участвовал в студенческих волнениях, три месяца просидел за это на Шпалерной, после чего получил трехлетний запрет на жительство в столицах. Пришлось Кунцевичу-младшему искать место в провинции. Муромский предводитель дворянства, добрый батюшкин приятель, выхлопотал Казимиру место секретаря уездного сиротского суда. В Муроме младший брат прижился, в столицу возвращаться не стал и вел тихую скучную жизнь провинциального интеллигента-либерала. Он так и не женился, не обзавелся детьми и жил со старухой прислугой и двумя кошками в собственном доме на окраине города. О том, что заболел чахоткой, никому из родных не сообщал...

Сестра от наследства отказалась, заявив, что хлопоты по его оформлению обойдутся дороже, чем стоит дом. Мечислав Николаевич подал заявление мировому, обождал полгода и 16 апреля 1906 года, в половине девятого вечера, сел на нижегородский пассажирский поезд. Сутки спустя он очутился в городе, который во всех анкетах указывал как место рождения.

Кунцевичу повезло – в кассе что-то напутали и во второй класс продали плацкарт больше, чем было мест, поэтому обер-кондуктор разместил его безо всякой доплаты в полупустом синем вагоне¹. В Москве в его отделение² зашла дама лет двадцати пяти, путешествующая в полном одиночестве. Она села напротив и с интересом скользнула по сыщику глазами такого изумительно зеленого цвета, что титулярный советник инстинктивно втянул живот и поправил и так идеально повязанный галстук. Когда кондуктор проверял билеты, Мечислав Николаевич узнал, что барыня тоже едет в Муром. Разговорились, познакомились. Наталья Романовна представилась муромской помещицей. Она ехала в свое имение, где намеревалась пробыть все лето.

В гостиницу с вокзала поехали на одном извозчике. Помещица заняла «генеральский» номер ценой в три рубля во втором этаже, чиновник – полуторарублевый в первом. Едва Кунцевич успел умыться и переодеться, как услышал осторожный стук в дверь. На пороге стояла давешняя попутчица.

– Я прошу меня простить, Мечислав Николаевич, но у меня будет к вам огромная просьба. Не могли бы вы сопроводить меня в ресторан? Я не хочу ужинать в номере, а выйти

¹ В Российской империи цвет вагонов зависел от их класса: в синий красили первый класс, второклассные были желтого цвета, вагоны третьего класса окрашивались в зеленый.

² Здесь – купе.

мне абсолютно не с кем, – просительница посмотрела на чиновника своими изумрудно-зелеными глазами, и он немедленно согласился:

– Почту за честь, мадам.

Вечер пролетел как один миг. Титулярный советник был в ударе – он остроумно шутил, блистал прекрасными манерами, был щедр и весел. Результат не заставил себя ждать:

– Как только все уgomонятся, прошу ко мне, – прошептала Наталья Романовна, протягивая в дверях своего номера руку для поцелуя...

На улице запели первые петухи, и Кунцевич понял, что пора идти восвояси. Он спустил ноги с кровати и, стараясь не шуметь, стал шарить по полу, ища предметы гардероба.

– Жду тебя к двум часам, сходим куда-нибудь пообедать, – тихо сказала помещица.

– Всенепременно, всенепременно. Ты когда в имение?

– Не знаю. Я вчера справилась – дороги до сих пор ужасны. Подожду, пока высохнут. Да и горничную надо нанять. Есть тут контора по найму, не знаешь?

– Понятия не имею. Кстати, а почему ты без прислуги едешь?

– Я ее рассчитала перед самым отъездом за нерадение. Все, я спать хочу, прощай. Прощай до обеда.

Проснулся Мечислав Николаевич от сильного стука в дверь. Он сунул ноги в туфли, набросил на плечи халат и повернул ключ в замке. Дверь распахнулась, едва не ударив титулярного советника по лбу, и в номер вломилась целая толпа, возглавлял которую представительный мужчина лет сорока в полицейской форме с петлицами пристава и погонами коллежского секретаря.

– Господин Кунцевич? – громогласно поинтересовался полицант.

– Да, – растерянно согласился титулярный советник.

– Городской пристав Трубецкой. Вынужден вам сообщить, что вы арестованы по подозрению в убийстве вдовы отставного гвардии корнета госпожи Кошельковой. Прошу следовать за мной.

Мечислав Николаевич опешил:

– Кошельковой? Позвольте, я не имею чести...

– Ну не надо, не надо отрицать очевидных фактов. Вас половина города вчера видела вместе.

– Боже мой! Вы про Наталью Романовну? Она убита? Не может быть!

– Собирайтесь, милостивый государь, а пока вы собираетесь, мы проведем в вашем номере обыск.

– Да, но мне надобно переодеться. Не могли бы вы выйти?

– Ни в коем случае. Извольте пройти за ширму.

– Удалите хотя бы ваших спутников. Я на вас не нападу.

Пристав окинул взглядом фигуру собеседника и усмехнулся.

– Господа! – обратился он к пришедшим вместе с ним людям, – потрудитесь обождать нас в коридоре.

– Итак, вы утверждаете, что когда ушли от госпожи Кошельковой, она находилась в добром здравии?

– Утверждаю.

– А как же в ее прекрасной головке появилась дырка от пули?

– Понятия не имею.

– Значит, убили ее не вы?

– Нет, не я. Зачем мне ее убивать?

– Ну, причины могут быть самые разные – ссора, ревность, корысть...
– Да я только вчера с ней познакомился, какая ревность, какая корысть?! У нее что, что-то пропало?

Пристав на вопрос не ответил, а задал вопрос сам:

– Вы к нам зачем пожаловали?

– Наследство оформлять. Брат у меня умер, Казимир Николаевич Кунцевич. Вы же наверняка его знали.

– Знавал, знавал вашего брата. Доставил он мне хлопот.

– Это каких же?

– А то вы не знаете! Братец ваш первым красным заводилой в городе был. Во всех собраниях, во всех манифестациях – в первом ряду. Эх, были бы нонче другие времена, давно бы он у меня уехал соболей пасти.

– Больше он вас не беспокоит.

Пристав промолчал, потом спросил:

– Значит, наследство. Велико ли оно?

– Дом с мезонином и два осминника земли с садом.

– Неплохо. А позвольте вас спросить, почему вы на гостиницу потратились, а не в унаследованном доме остановились?

– Я, знаете ли, привык жить с определенным комфортом. А дом стоит несколько месяцев нетопленным, прислуги там нет, ну не стану же я сам печку топить и завтрак себе готовить?

– Понятно-с. И что с домом собираетесь делать – продавать или сами жить станете?

– Хотел продать.

– А может быть...

Кунцевич так и не узнал, что ему хотел предложить пристав, так как дверь открылась и в кабинет стремительно вошли два человека – седовласый, пожилой, грузный мужчина в форме исправника и судейский чиновник лет тридцати пяти, в очках в золотой оправе.

Пристав вскочил.

– Ну, как продвигается дознание, Василий Николаевич? – обратился к нему исправник. – Надеюсь, вам уже удалось довести господина Кунцевича до сознания?

– Никак нет-с, – с сожалением в голосе ответил Трубецкой.

– Очень хорошо.

– Не совсем вас понимаю, ваше высокоблагородие! Чего же здесь хорошего?

– А того, – вступил в разговор судейский, – что, как мы с Владимиром Силовичем выяснили, никакого преступления и не было. Вдова сама себя жизни лишила.

– Отчего же вы так решили, Андрей Сергеевич? – с ухмылкой поинтересовался пристав.

– А оттого, Василий Николаевич, – ответил вместо судейского исправник, – что надобно начальство слушаться, а не шашкой махать. Говорил я вам, чтобы вы не спешили?

– Я и не спешил. Опрос свидетелей показал...

– Опрос показал только то, что мадам Кошелькова провела ночь не одна, – перебил подчиненного начальник. – А вот осмотр места убийства показал намного больше. Господин Кунцевич, – повернулся исправник к титулярному советнику, – разрешите от лица уездного полицейского управления принести вам свои извинения за скоропалительные действия некоторых его чинов, вызванные, впрочем, исключительно служебным рвением. Вы совершенно свободны.

Мечислав Николаевич поклонился, надел котелок, снял с вешалки пальто, перекинул его через руку и направился к двери. Он взялся за ручку, постоял несколько секунд, потом обернулся и спросил:

– Господа, а не могли бы вы мне сказать, как все-таки погибла Наталья Романовна?

– Она застрелилась, – сказал судебный следователь.

– А нельзя ли поинтересоваться, на основании чего вы пришли к такому заключению?
Следователь вскинул на Кунцевича удивленный взгляд:

– А у вас, милостивый государь, есть иное мнение на сей счет? Так мы его с удовольствием слушаем. А выслушав, решим, не погорячились ли, принеся вам извинения. Вас отпустили, так ступайте, не мешайте людям работать.

Кунцевич вздернул подбородок, хотел сказать что-то резкое, но передумал – ему очень хотелось узнать побольше об обстоятельствах смерти своей мимолетной знакомой.

– Господа, все мы были так взбудоражены случившемся, что позабыли о правилах хорошего тона. Разрешите представиться – титулярный советник Кунцевич, чиновник для поручений столичной сыскной полиции.

Глава 2

Убийство

– Первое, на что я обратил внимание, – сказал следователь, подводя Мечислава Николаевича к окну, – вот эта двойная рама. Весна в этом году поздняя, и зимние рамы в гостинице из окон еще не вынимали. Как видите, эта рама глухая, а форточка в ней столь мала, что проникнуть через нее может разве что малолетний ребенок. Дверь в номер хорошая, крепкая, следов повреждений не имеет. Замок также не поврежден. Госпожу Кошелькову обнаружили в запертом номере, из чего следует вывод: или убийца Наталья Романовна, сделав свое дело, замкнул дверь снаружи и унес ключ с собой, либо Наталья Романовна сама свела счеты с собственной жизнью. Я внимательно осмотрел помещение и нашел ключ от номера под подушкой в постели покойной. Запасные ключи от номеров хранятся у хозяина, и господин Коротыгин, весьма уважаемый в городе человек, божится, что никому его не давал. Покойная накануне наказала разбудить ее ровно в одиннадцать, но на настойчивые стуки коридорной дверь не открыла. Портье послал к хозяину, тот выдал запасной ключ. Служащие открыли дверь и запустили в номер горничную. Та стала будить барыню, увидела кровь и лишилась чувств. Вот, собственно говоря, и все.

– А может быть, номер открыли отмычкой? – не согласился с безапелляционными выводами следователя титулярный советник.

Судейский усмехнулся:

– Я, милостивый государь, столичный университет кончал и многому там научился. Да и практикую одиннадцатый год. Так что определить, открывался замок отмычкой или нет, умею.

– Да. Доводы убедительные.

– Вы говорите таким тоном, как будто этому не рады. Понравилось находиться в статусе подозреваемого?

– Избави бог находиться в таком статусе. Но, как говорится, истина дороже. Я-то знаю, что не убивал Наталью Романовну. А вчера... В общем, она вчера абсолютно не походила на человека, решившегося на самоубийство.

– Чужая душа – потемки, а женская душа – потемки беспросветные. К счастью для вас, есть еще одно весьма важное обстоятельство, подтверждающее отсутствие в этом происшествии чьего-либо злого умысла.

– И что же это?

Следователь подошел к стоявшему посреди комнаты столику из красного дерева, раскрыл лежавшую на нем роскошную кожаную папку и достал оттуда пачку радужных листов бумаги.

– Вот, полюбуйтесь – это акции «Невских вложений». Вы что-нибудь об этой фирме слышали?

– Кто же о ней не слышал, газеты только об этой афере и пишут. Шутка ли, на десять миллионов рублей обывателей нагрели!

– Да, свыше двадцати тысяч потерпевших, вложивших в акции этого банка от десяти до нескольких сотен тысяч рублей. Похоже, наша вдова была одной из них. Тут этих бумажек на триста тысяч. Сейчас ими можно разве что печку растапливать. От такого казуса у кого угодно голова кругом пойдет.

– Триста тысяч! Вот те на!

«Выходит, я вчера капиталистку окрутил! – подумал Кунцевич. – Точнее, бывшую капиталистку».

– А что, вдова была богата?

– Понятия не имею.

– Как же так? Она же здешняя помещица.

– Это ее покойный супруг здешним помещиком был, да и то в имении почти не появлялся. А госпожу Кошелькову я живой и не видел никогда. Последнее место прописки, которое в ее паспорте указано, – Москва.

– А мне она сказала, что в свое имение едет и что пробудет там все лето.

– Очевидно, наконец-то намеревалась познакомиться с унаследованными владениями, от которых, впрочем, почти ничего не осталось. Земля и лес давно проданы, да и от барского дома Илья Никифорович давно бы избавился, но не мог, дом заложен – перезаложен.

«Муж нищий, а супруга триста тысяч рублей имела. Путешествует первым классом, номер лучший в гостинице заказала, брошками-сережками вся обвешана. Разбогатела после кончины дражайшего супруга?»

– А давно он скончался? – поинтересовался титулярный советник.

– На прошлый Покров, как мне сказали. Он не у нас умер, в Москве.

– А женаты они давно?

– Точно не скажу, но когда я его в последний раз видел, Илья Никифорович уже был венчан. А видел я его на прошлую Троицу. Правда, до этого он в наших краях лет десять не появлялся, так что ничего про его супружеский стаж сказать не могу.

– И отчего умер, не знаете?

Следователь покачал головой:

– Никогда не интересовался.

Мечислав Николаевич подошел к столику и задумчиво стал перебирать акции. Взгляд его упал на вытесненный на коже золоченый штампель.

– Смотрите, а папочка-то именная!

Следователь взял папку в руки и прочитал:

– «Густав Бернттович Рютенен, присяжный поверенный». Очевидно, при помощи этого господина покойная и приобрела акции. А может быть, он вообще всеми ее делами управлял – барыня-то, судя по всему, при средствах.

– Скорее всего, – задумчиво сказал Кунцевич, прошелся по номеру и остановился у кровати, на которой несколько часов назад так приятно провел время. Ему сделалось не по себе.

– Тело в постели обнаружили? – спросил он у следователя.

– Да. Револьверчик на полу валялся, под правой рукой. Входное отверстие имеет характерные следы от пороховых газов, указывающие на то, что выстрел был произведен в упор. Следов борьбы на теле не обнаружено, ночная рубашка повреждений не имеет. Бумажник и кошелек на месте, наличных денег – 467 рублей. Драгоценности – в прикроватной тумбочке. Серьги, кольца, браслет и цепочка. Даже на первый взгляд – вещи весьма дорогие. Очевидно, что похищено ничего не было. Так, что самоубийство, Мечислав Николаевич, самоубийство.

– А труп вскрывать будете?

– Можно было бы обойтись и без вскрытия – причина смерти очевидна, но наш прокурор требует вскрывать трупы по всем делам. Желаете присутствовать?

– Если вы не возражаете. А из какого именно револьвера она застрелилась?

– Из дамского «Браунинга»³, калибра две с половиной линии⁴.

– А выстрел кто-нибудь слышал?

– Нет. Вы, например, слышали?

Кунцевич отрицательно pokrutil головой:

– Но я сплю очень крепко. «Да и устал вчера, – добавил он мысленно, – обессилел».

³ В конце XIX – начале XX века только начинавшие входить в обиход многозарядные пистолеты повсеместно называли револьверами.

⁴ 6,35 мм.

– Очевидно, другие постояльцы тоже. Вас всего четверо во всей гостинице жило. А коридорный, собака, пьян напился, его едва добудились. Если вопросов больше нет, тогда прошу следовать за мной в земскую больницу, доктор заждался уже, наверное.

В прозекторской Кунцевич долго не задержался – он осмотрел труп и, не дожидаясь, пока врач начнет пилить черепную коробку помещицы, вышел на свежий воздух. «Все-таки убийство, – подумал он. – Рассказать или промолчать? Уж больно неохота возвращать себе статус подозреваемого». Подумав с минуту, Мечислав Николаевич принял решение, и, протиснувшись через толпу ожидавших приема мужиков и баб, зашагал к гостинице.

– Во сколько поезд на Москву, любезный? – поинтересовался он у портье.

– Без четверти четыре.

– Черт, на этот я уже не успеваю, – расстроился титулярный советник, взглянув на часы. –

А следующий?

– Тоже без четверти четыре, только завтра. Он один у нас.

– Пошлите кого-нибудь за билетом во второй класс.

– Слушаюсь.

– Я смотрю, немного у вас постояльцев.

– Не сезон-с. Когда ярманка или съезд какой, раскладные кровати в номера ставим, а по эту пору если трое-четверо господ живут, уже хорошо. Вот дороги подсохнут, поедет помещик в город по делам али по магазинам – веселее станет.

– Сейчас тоже четыре человека живет?

– Поутру четверо жило, а сейчас двое осталось – вы да господин землемер. Он уже вторую неделю живет, конца распутицы дожидается.

– А четвертый гость, стало быть, съехал?

– Съехали-с, на вокзал его извозчик повез.

– А кто таков был?

– Немец какой-то. – Портье открыл толстенную книгу и прочитал: – Карл Иванович Кречмер из Москвы. Вчера приехали-с.

– Что же это он так быстро восвояси собрался?

Портье только пожал плечами.

– Кречмер, Кречмер... Знавал я одного Кречмера. Невысокий такой, светлый, бороду бреет...

– Никак нет, напротив, росту вершков девять⁵, брюнет-с, а вот насчет бороды угадали, бреют-с. Зато усы, – портье посмотрел на Кунцевича, – почти как у вас, роскошь, а не усы!

– Нет, такого Кречмера я не знаю. Спасибо, братец!

Отблагодарив служащего полтинником, сыщик пошел было в номер, но быстро вернулся:

– Скажи, а убитая барыня ни за чем не посылала?

– Письмецо велели отнести-с, а более никаких приказаний не было.

– Письмо? А когда?

– Почти сразу, как только приехали.

– А по какому адресу следовало письмо отправить?

– Не знаю, адрес не читал-с.

– А кто его на почту снес?

– Митька, рассыльный наш.

– Позови его, может, он адрес вспомнит.

– Позвать, конечно, можно, только толку от этого не будет – неграмотен он.

⁵ В ту пору, говоря о росте человека, называли величину в вершках свыше двух аршин (142 см.) Девять вершков + два аршина – около 183 см.

Номер, занимаемый землемером, находился в противоположном от «генеральского» конце коридора. Постоялец открыл дверь, даже не поинтересовавшись, кто стучит. Всклоченная шевелюра, застрявшие в бороде крошки, жилетка на голое тело, а главное – стоявший в номере запах однозначно говорили о том, что жилец так долго не покидает своего временного пристанища отнюдь не из-за распутицы. Чиновник межевого ведомства с трудом сфокусировал взгляд на госте и задиристо сказал:

– Вы кто? А, понятно кто. Из второго?

– Да, – удивился титулярный советник.

– Что, претензии предъявлять явились?

– Претензии? – непонимающе переспросил Кунцевич. – С чего бы это мне предъявлять вам претензии?

– Ну как же! Ведь это я сообщил полиции о вашем ночном визите к покойной. Но это мой долг, и потому вины за собой никакой не чувствую. А если хотите стреляться, то будем стреляться. Только... Послушайте, а нет ли у вас водки? Очень, знаете ли, хочется выпить. Буквально рюмашку-две, и я буду готов.

– Водки нет, но можно позвонить, и ее вам доставят.

– Не доставят. Капитон Андреевич запретили-с.

– Капитон Андреевич? Кто такой Капитон Андреевич?

– О! Это страшный человек! Потомственный помещик, дух крепостничества впитал с молоком матери и потому ведет себя, как деспот. Явился сегодня, хотел силой меня к себе в имение отвезти, еле я от него отбил... Теперь за доктором побежал!

– Я ничего не понимаю! Какой деспот? Какое имение? Какой доктор?

– Что здесь может быть непонятного? Я должен отмежевать у него несколько участков – он их продавать собирается. Я приехал, дорог нет, лошадей нет, пришлось ждать. Скучно, ни дам, ни общества. Ну, я и запил. И вот пью-с. Он не дождался, сам за мной приехал, и давай права качать! Можно подумать, что я у него в услужении. А не угадал, братец, не угадал! Я – чиновник губернского правления, я среднее образование имею! У меня чин! Стреляться! – неожиданно землемер утратил пыл, прошел в номер и сел на кровать. – Впрочем, доктор должен помочь. Говорят, сейчас есть капли, выпил – вмиг похмелье проходит. Мне, признаться, и самому пить надоело. Но не могу-с, боюсь, умру, если не выпью. Послушайте, голубчик, не сочтите за оскорбление, но... Не будете ли вы столь любезны сходить в ресторан и принести мне сороковочку⁶, а?

– Хорошо, принесу.

– Век благодарен буду! Только лично принесите, никому не поручайте – прислуга не понесет, Капитона Андреевича заботятся.

Получив водку, землемер зубами разгрыз сургучную пробку и ополовинил бутылку прямо из горлышка. На лице у него заиграла блаженная улыбка.

– Прошу простить, я вам не представился – Зенон Юлианович Чернявский, коллежский регистратор, младший землемерный помощник.

– Мечислав Николаевич Кунцевич, титулярный советник.

– Очень приятно-с. Да что же это я! Будете? – он протянул сыщику бутылку.

– Нет, благодарю.

– Ну как хотите, – сказал Чернявский и сделал еще один большой глоток.

– Полегчало? – поинтересовался сыщик.

– О! Да! Премного благодарен!

⁶ 1/40 ведра, около трехсот граммов жидкости.

- Тогда в благодарность ответьте, пожалуйста, на несколько моих вопросов.
- Полностью к вашим услугам!
- Скажите, а при каких обстоятельствах вы видели, как я наносил визит убиенной?
- Сон алкоголика краток и чуток, милостивый государь, – язык у землемера начал заплетаться. – Я в тот вечер крепко поддал, а когда ночью проснулся, понял, что выпить у меня ничегошеньки не осталось. До коридорного не дозвонился, самому идти искать водки не вмоготу было, вот и лежал бессонно, утра ждал. Потом и лежать не мог – стал по номеру ходить. Слышу – дверь скрипнула, я свою чуть-чуть отворил, так, из интереса, гляжу – вы от барыни вышли.
- А почему вы решили, что это я? Хорошо меня разглядели?
- Вовсе я вас не разглядел. Увидел только мужской силуэт, и все. А когда поутру пристав ко мне пришел, я ему и сказал, что мужчина от Натальи Романовны уходил. Портье с приставом был, так тот и указал на вас – не иначе, говорит, как жилец это из второго номера, он весь вечер в ресторане за барыней ухлестывал.
- Понятно. А выстрела вы не слышали?
- А что, был выстрел? Мамочка моя!

С утра Мечислав Николаевич посетил нотариуса, с его помощью нашел ходатая по делам, который взялся продать дом и землю за пятипроцентное вознаграждение. Выдав комиссионеру доверенность, Кунцевич вернулся в гостиницу, пообедал, собрал вещи и велел кликнуть извозчика. Подписав счет и расплатившись, он направился к пролетке.

- Ключик отдать забыли! – окликнул его портье.
- Ах, да. – Титулярный советник порылся в карманах и, вытащив небольшой ключ от дверного замка, протянул его служащему.
- А что, часто постояльцы с ключами уезжают? – поинтересовался сыщик.
- Ох, частенько. Раньше у нас тульские замки стояли, так там ключи были такие, что не во всякий карман влезут. Их никто с собой не увозил, а как хозяин новые замки поставил, французской фирмы, с маленькими ключами, так только и успеваем, что слесарю дубликаты заказывать. А платить из своего кармана приходится. Вот и следим во все глаза за господами постояльцами, когда они выезжать изволят.
- И от «генеральского» номера ключи увозили?
- И увозили, и теряли-с. Последний раз – неделю назад примерно. Но тогда я за дубликат не платил – с постояльца деньги требовал, потому как его вина.
- А как фамилия того постояльца, можешь сказать?
- Так господин Кречмер, об котором вы давеча изволили спрашивать. Они неделю назад тоже приезжали-с.

Глава 3

Первопрестольная

Поезд прибыл в Первопрестольную в половине седьмого утра. Отмахнувшись от налетевших гостиничных комиссионеров, Кунцевич, поторговавшись с извозчиком и спустив назначенную «ванькой» цену за проезд с рубля до полтинника, велел везти себя на Большую Лубянку, в меблированные комнаты «Империл», располагавшиеся в доме страхового общества «Россия». В этих меблирашках он останавливался всякий раз, приезжая в Москву. Распожившись в чистеньком номере с минимальным набором мебели, титулярный советник умылся, отказался от предложенного коридорным чая и, выйдя на улицу, направился на соседнюю Мясницкую, где выпил кофе с пирожными в пользующемся большой популярностью у знатоков кафе Виноградова. Посмотрев на часы, Мечислав Николаевич решил прогуляться до Охотного ряда, чтобы оттуда добраться до Гнездииковского на недавно появившемся в старой столице новом средстве передвижения – электрическом трамвае, которого Петербург еще не знал. Вскоре к остановочному павильону подкатил, звеня на все лады, трамвай № 1, следовавший до Петровского парка. Мечислав Николаевич отдал кондуктору пятак и через десять минут вышел у Страстного монастыря. Он пересек шумную Тверскую и по бульвару дошел до дома градоначальника, в котором располагалось нужное чиновнику учреждение – Адресный стол. Титулярный советник, воспользовавшись казенным пером и чернилами, заполнил два запросных бланка, подумал немного и заполнил третий. Отдав миловидной барышне гривенник и отказавшись от копейки сдачи, сыщик, обождав на скамейке двадцать минут, получил три адресных справки. Из них следовало, что никто из интересовавших его лиц прописанным в Москве не значится. Покойница выписалась из собственного дома в Криво-Рыбном проулке за два дня до своей смерти, а вот господин Карл Иванович Кречмер в Москве никогда жительства не имел. Третий персонаж, сведения о прописке которого Кунцевич запросил на всякий случай, в столице ранее проживал, но выписался за границу на следующий день после отъезда в Муром госпожи Кошельковой, то есть накануне ее убийства. Очевидно, постоянным жителем Первопрестольной чухонец не был, потому как прописан в Москве был только месяц и жил все это время в меблированных комнатах «Фальц-Фейн». Располагались они, в отличие от дома Кошельковой, совсем рядом, на Тверской, поэтому первым делом Мечислав Николаевич решил заглянуть туда.

– Номерочек желаете? – служитель оглядел Кунцевича с ног до головы и вынес по результатам осмотра вердикт. – Полторарублевые есть во втором этаже. С прислугой и двумя самоварами в день. У нас электрическое освещение-с!

– Благодарю, но номер мне не нужен. Я разыскиваю своего знакомого – господина Рютенена. Он мне написал, что у вас стоит.

– Стояли-с, цельный месяц стояли-с. Но съехали, дня четыре уж как.

– Ах, как жаль! А у меня к нему важное дело. Не говорил он, куда уезжает? Может быть, приказал почту куда-нибудь пересылать?

– Приказали-с, а как же! В Финляндию, в Выборг, в главный почтамт. Прямо сейчас собирался письмо туда направить, утром пришло. Дня через два ваш приятель его и получит.

Кунцевич несколько секунд не мигая глядел на портье, о чем-то глубоко задумавшись, опомнился и сказал:

– Не приятель он мне вовсе, а даже и наоборот. Жена моя к нему сбежала. Может, навещала его, может, видели? Эдакая блондинка, высокая, такая, знаете ли, худощавая, но с гру-

дью, – Мечислав Николаевич руками показал размеры груди, – и глаза, глаза зеленые. Натальей Романовной кличут.

Портье посмотрел на него с едва заметной ухмылкой и ничего не ответил. Сыщик суетливо полез в карман пиджака, достал оттуда бумажник и положил на стойку зеленую, под цвет глаз разыскиваемой, ассигнацию. Бумажка тут же растворилась в воздухе.

– Не навещали-с, а буквально жили совместно. Мадам и из номера-то, почитай, не выходила.

– Как?! Боже мой! – титулярный советник схватился за сердце. – Ах она тварь! Я же все для нее... Предательница! Скажите, а уехали, уехали они вместе?

– Нет-с, сначала барыня, потом Густав Альбертович.

– Я так и думал. Тогда... тогда письмо, которое вы получили, из Мурома, ведь так?

Служитель кивнул головой.

– Не могли бы вы мне его отдать? Я намереваюсь затеять процесс, и это письмо мне весьма поможет в разводе.

– Никак не можем-с, тайна переписки, – ответил портье, но как-то нерешительно, с сомнением в голосе.

– Ну отдайте, отдайте, пожалуйста! Оно же не заказное, вы же за него не расписывались, и отвечать вам за него не придется. Мало ли куда оно могло деться? А я вам дам десять рублей.

– Давайте пятнадцать, и письмо ваше.

Мечислав Николаевич расплатился, положил письмо в карман и собрался было уходить, но служащий его остановил:

– Кстати, а Густавом Альбертовичем уже интересовались.

– Кто? Когда?

Портье заявил уже безо всяких экивоков:

– До двух красненьких добавьте, расскажу.

Кунцевич вытащил из бумажника две рублевых бумажки.

– Вчера, прямо об эту пору, тоже приходил один барин, и так же, как и вы, сказал, что ищет господина Рютенена, ну я ему про Выборг и сообщил. Супружницей вашей он не интересовался.

– А как он выглядел?

– Высокий брюнет, с усами, такими, знаете ли, хорошими усами, примерно как у вас.

Мечислав Николаевич вышел на Тверскую, дошел до ближайшего трактира, заказал плотный завтрак, ножом для рыбы разрезал конверт, достал лист бумаги и углубился в чтение.

«Здравствуй, милый! Доехала благополучно, поселилась в гостинице, и, видимо, надолго, – по словам аборигенов, здешние дороги в ужасном состоянии, так что до имения можно добраться разве что верхом, а ты можешь представить меня верхом на лошади? Не можешь? Вот и я не могу. Сижу в номере и просижу, наверное, еще с неделю.

Милый, мне страшно! Мне кажется, что они узнали, где я, и вот-вот явятся. Умом я понимаю, что ты был прав, что нам надобно было разделиться, что про Муром никто не знает, что бояться мне нечего, что их всех скоро переловят и перевешают, но... Сердце мне говорит, что ты меня бросил. Да, милый, именно бросил! Оставил одну в ту пору, когда они меня ищут и вот-вот найдут! Сейчас, когда я осталась наедине с собой, когда ты не можешь своими сладкими речами переубедить меня, я все больше и больше убеждаюсь, что ты поступил так, как порядочный мужчина поступать не должен... Но это же не так, правда? А если не так, приезжай ко мне, умоляю! Мне страшно, я не могу сидеть в четырех стенах одна, особенно в темноте. Приезжай, приезжай поскорее, не то я найду того, кто поможет мне справиться со страхом. Целую, твоя (пока только твоя) Натали».

Кунцевич сложил письмо и задумался. «Выходит, она меня к себе пустила в качестве... сторожевого пса, что ли. Нет, ну какую-то симпатию она все равно должна была испытывать... Тьфу ты! Не об этом надо думать, не об этом! Какие-то люди искали Кошелькову. Очевидно, что это лица, которые не в ладах с законом, поскольку их самих ищут власти, и как найдут, так перевешают... Сначала искали Кошелькову, потом явились к адвокату...» Титулярный советник бросил на стол полтинник и быстрым шагом направился к выходу.

Телефонная станция помещалась на Мясницкой, трехминутный не срочный разговор с Петербургом стоил полтора рубля, срочный – четыре с половиной. Титулярный советник знал, что толку от разговора будет мало, но все-таки достал из портмоне синенькую бумажку. «Четвертной я уже из своих на эти розыски потратил, не считая гостиницы и трамвайных билетов. И зачем, спрашивается?»

– Владимир Гаврилович, – начал скороговоркой Кунцевич, как только телефонистка пригласила его в кабину и он услышал в трубке голос начальника. – У меня только три минуты, поэтому буду предельно краток. В Выборге сейчас проживает некий присяжный по фамилии Рютенен, Густав Бернтович Рютенен, нет, не Альбертович, Борис, Евгений, Роман, Николай, Терентий, Берн-то-вич. По какому адресу он там остановился, я не знаю, пусть в адресном столе справятся или на почтамте его подождут, он за письмами явиться должен. Так вот, вполне вероятно, что этого Густава хотят убить. Как что делать? Я по... Я пони... Да, почти другая страна... Ну хотя бы телеграмму им пошлите от имени градоначальника... Все подробности я вам доложу при личной встрече. Запишите, пожалуйста, приметы предполагаемого убийцы.

Проулок с интересным названием находился на территории Второго участка Серпуховской части, неподалеку от Донского монастыря. Узнав от прохожих маршрут, Мечислав Николаевич на трамвае добрался до Лубянской площади, а там пересел на конку номер 21 и полчаса тащился до Серпуховских ворот, от которых до нужного ему дома было рукой подать. Нумерация домов на Криво-Рыбном отсутствовала, и ни один из немногочисленных встреченных им обывателей не смог указать дом вдовы гвардии корнета. Пришлось стучаться в каждые ворота. Открывали не всегда и не сразу, часто в ответ на удары он слышал только собачий лай. Наконец повезло – из полуразвалившегося домика на свет божий выползла старуха в ужасно грязной и потрепанной шляпке и салопе, выдававших ее непролетарское происхождение.

– Бонжур. Кого-то ищите, милостивый государь? – прокаркала бабушка.

– Бонжур, мадам. Мне нужна госпожа Кошелькова, не подскажете, где она проживает?

– Наталья Романовна?

– Именно.

– Здесь вы ее не найдете.

– Но в Адресном столе мне сказали...

– Дом этот действительно принадлежит ей, но она здесь не бывает. А вы кто ей будете?

Да что же мы на улице стоим, прошу в дом. Матрена, ставь самовар! – крикнула дама в глубину дома.

Старушка, звали которую Вера Николаевна, мадам Дувакина, так настойчиво предлагала чая, что Кунцевич не смог отказать и был вынужден пить из грязной чашки напитков, чая даже отдаленно не напоминавший.

Из путанного, сопровождавшегося множеством ненужных подробностей рассказа госпожи Дувакиной выяснилось, что после смерти мужа ей несколько лет пришлось хлопотать о назначении пенсии, так как муж ее из-за приобретенной на службе болезни не успел выслужить положенный для пенсии срок. Пока шли хлопоты, вдова дошла до полного безденежья

и уже снесла в ломбард последнее пальто и готовилась заложить дом и остаться на старости лет на улице. В это время к ней явилась молоденькая барыня, которая сделала ее высокоблагородию такое предложение, от которого Вера Николаевна не смогла, да и не захотела отказаться. Заключение между ними и скрепленное печатью нотариуса условие предусматривало, что госпожа Кошелькова приобретает дом госпожи Дувакиной в свою собственность. При этом барыня выплачивает госпоже Дувакиной только пятую часть действительной стоимости дома, но обязуется до самой смерти ее благородия дом никому не отчуждать, самой в нем не жить и никому постороннему его не сдавать, оставляя его в полное распоряжение Веры Николаевны и даже составляет завещание, по которому в том случае, если, избави бог, смерть Натальи Романовны последует ранее, чем кончина асессорши, дом возвращается последней в порядке наследования.

Получалось, что вдове асессора нежданно-негаданно на голову свалилось несколько радужных бумажек, которые очень помогли ей дожидаться принятия министерством финансов окончательного решения по ее крайне запутанному пенсионному делу.

Было это в прошлом августе, и с той поры обязательства свои госпожа Кошелькова ни разу не нарушила – больше в доме не появлялась. Где она и чем занимается, вдова коллежского асессора не знала, да и знать не особенно хотела. Этот конец ниточки оборвался. Следовало ехать в Выборг. Но только на казенный счет, заниматься частным сыском титулярный советник больше не намеревался.

Глава 4

Столица

– Нашли ее на кровати, в лежачем положении, а засохшая струйка крови на лице шла от виска не к затылку, а к подбородку и шее, что однозначно говорит о том, что в момент выстрела и некоторое время после него покойная находилась не в горизонтальном, а в вертикальном положении.

– И что же, следователь на это внимания не обратил? Это же азы криминальной техники! – удивился Филиппов.

– Этот следователь так же мало смыслит по следственной части, как я в китайском языке, – ответил Кунцевич. – Увидел ключ под подушкой и уверился, что покойная сама закрыла дверь в номер. Ни портье не расспросил, ни другого жильца. Все, что мне удалось узнать, лежало на поверхности и при надлежащем рвении должно было стать известным муромским властям в течение пары часов. Но, слава Богу, не стало, а то, боюсь, они бы меня не отпустили.

– Да-с, – Филиппов задумался, – и сообщать мы им об этом не будем, а то пришлют в градоначальство поручение о вашем принудительном приводе в Муром этапным порядком.

– И что же, забудем об этом деле?

– Следовало бы, конечно, о нем забыть, у нас с вами есть чем заняться, но забыть нам о нем не дадут. За час до вашего приезда ко мне явился обер-констабль финской сыскной полиции и долго пытался узнать, откуда мне стало известно о господине Рютенене и грозящей ему опасности. Рассказать ему мне было нечего, и я предложил дожидаться вас. Он согласился.

– Значит, Рютенена все-таки убили?

– Не его. В гостиничном номере, который он снял, нашли убитым какого-то господина, по приметам очень схожего с человеком, известным нам под фамилией Кречмер. Умер он от проникающего колющего ранения в сердце. Вот, кстати, посмертная карточка убитого, – начальник передал чиновнику кусок картона, на котором был запечатлен труп совершенно незнакомого Кунцевичу человека. – А сам Густав Бернтович бесследно исчез.

– Ай да присяжный поверенный! – восхитился титулярный советник, возвращая фотографию.

– Мне кажется, никакой он не поверенный. Я справился, адвокат по фамилии Рютенен ни к столичной, ни к московской Палате не приписан⁷. Ну что, я телефонирую чухонцу? Впрочем, напишите-ка сначала рапорт на мое имя.

Мечислав Николаевич зашел в свой кабинет, привычно расположился за столом, достал из папки чистый лист писчей бумаги, окунул перо в чернильницу и начал выводить в углу: «Его высокоородию Господину Начальнику С. Петербургской сыскной полиции...»

Написав несколько строк, чиновник для поручений задумался.

– При ней было на триста тысяч акций. Это сейчас они ничего не стоят, но покупала-то она их по номиналу! И искали ее люди, которых самих должны найти и повесить... Искали, скорее всего, именно из-за этих денег, которые она, скорее всего, у них и украла... А они, коль их ищут, тоже эти деньги не честным путем получили, а коли могут повесить – то не украли, а ограбили, да со стрельбой и жертвами, у нас за простые кражи не вешают. Страна бурлит, грабят кого ни попадя и кто не попадя, но триста тысяч отбирают все-таки не каждый день...

⁷ Присяжный поверенный должен был быть приписан к одной из судебных Палат и жить в одном из городов на ее территории.

Что-то я ограбления в триста тысяч не припомню, разве на Кавказе где было, но в столицах... Стоп! А экс в Фонарном? Там как раз около трехсот тысяч и ушло...

Сыскная это преступление не расследовала – дело сразу же забрала себе охранка, а дознание по нему вело Петербургское ГЖУ. Явившемуся на место происшествия дежурному чиновнику сыскной даже трупы лошадей осмотреть не дали. Поэтому-то Кунцевич про этот экс чуть и не забыл.

Мечислав Николаевич положил едва начатый рапорт в стол и направился к Филиппову.

Начальник сыскного отделения, выслушав подчиненного, вновь отправил его писать рапорт, а сам телефоновал финскому полицейскому и попросил последнего приехать на Офицерскую. Он долго расспрашивал финна про обстоятельства обнаружения трупа человека, называвшего себя Кречмером, тщательно выяснил и подробно записал приметы убитого, после чего сам принялся составлять рапорт. Положив свой и Кунцевича рапорта в кожаную папку с золотым обрезом, Владимир Гаврилович вместе с титулярным советником и обер-констаблем поехал на Гороховую, где добился приема у градоначальника, а потом направился к начальнику Отделения по охране общественной безопасности и порядка в городе Санкт-Петербурге полковнику Григорьеву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.